

В. Варенцов

**Сборник русских духовных
СТИХОВ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Варенцов**
Сборник русских духовных стихов / В. Варенцов – М.: Книга по Требованию,
2014. – 251 с.

ISBN 978-5-4241-7131-4

Сборник русских духовных стихов

ISBN 978-5-4241-7131-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Колядой и Авсенемъ; такъ точно сказочные мотивы, изъ животнаго, мнѣческаго и героическаго эпоса, смѣшались въ иныхъ прозаическихъ разсказахъ съ мотивами изъ Житія святыхъ, между-тѣмъ какъ пѣсни представили новую форму, извѣстную подъ именемъ «духовныхъ стиховъ». Наши паломники, странствуя по святымъ мѣстамъ въ Греціи и Палестинѣ, встрѣчали тамъ старцевъ, которые пѣли передъ собравшейся толпой священные гимны и житія, и они-то, какъ надобно думать, первые внесли въ нашу жизнь такое же точно обыкновеніе. Такіе старцы и теперь еще въ Архангельской губерніи носятъ названіе «каликъ». Въ письменныхъ намятникахъ мы рѣдко встрѣтимъ это названіе: въ Лѣтописцѣ Переяславля-Суздальскаго, слово «калика» стоитъ вмѣсто имени «паломникъ», употребляемаго въ другихъ спискахъ Лѣтописи (въ Церковномъ Уставѣ в. кн. Владиміра-Святаго подъ 996 годомъ). Въ памятникахъ народной поэзіи, къ имени «калики» прибавляется эпитетъ «перехожаго», т.-е. странника, въ стилѣ богомольца, какъ напр. въ «Былинѣ объ Алѣшѣ Поповичѣ». Слушая пѣнія такихъ «старцевъ-странниковъ», народъ одѣлялъ ихъ щедрой милостыней, какъ мы видимъ въ пѣснѣ у «Кирши», Даншова подъ заглавіемъ: «Сорокъ каликъ со каликою». Любимыми мотивами ихъ пѣсенъ были «Житіе Алексѣя, человека Божія», евангельская притча «О Лазарѣ убогомъ», О страшномъ судѣ». Не веселы были эти образы; однообразны и тоскливы напѣвы; но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ

образъ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самого, оскорбленнаго, забытаго богатимъ; себя; убитаго нуждой, съ единственнымъ убъжищемъ—могилой. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ; ему всё грезились огненная рѣка и страшныя муки, которыя будутъ за ней; всё грезились мытарства и грозныя ангелы. Такіе образы, казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнію силы души и развить энергію въ народѣ; но когда онъ не находить въ нихъ ничего, кромѣ грозы и страха, горя и лишеній; когда ему такъ рѣдко слышится слово любви и примиренія, — духъ его падаетъ, наконецъ, подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ, томительныхъ призраковъ; народъ становится подавленнымъ, запуганнымъ, и робко клонить голову, не выступая на борьбу. И жизнь, и смерть—равно представляются ему чѣмъ-то враждебнымъ: въ жизни нѣтъ свѣтлыхъ радостей, а есть только отреченіе отъ міра, мѹки, да казни; смерть—холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому и друзей (см. Стихъ объ Аникѣ-воинѣ). Таковъ болѣею частію характеръ нашихъ духовныхъ стиховъ.

Названіе «духовныхъ стиховъ» и теперь еще слышится въ народѣ; особенно между слѣпыми старцами, которые поютъ ихъ. Содержаніе ихъ взято изъ св. Писанія, также изъ Житій святыхъ, изъ церковныхъ пѣсень или, наконецъ, изъ религіозныхъ преданій. Самыя давнія изъ нихъ и самыя любимыя народомъ,

приняли втеченіи времени тѣ или другія формы народнаго эпоса, усвоили себѣ извѣстные эпическіе приемы и, наконецъ, допустили въ свое содержаніе черты и образы языческаго міра,—таковы: «Голубиная книга», «Стихъ про Егорья храбраго», «О Ѳедорѣ Тиронѣ», «Объ Аникѣ-воинѣ»; основаніемъ для нихъ послужили старинныя апокрифы, которые весьма рано перешли въ нашу литературу изъ Византіи чрезъ посредство южныхъ Славянъ (см. статью пр. Пыпина «Древняя р. литература», 0. 3., Т. СХV, стр. 335 и сл.). Такъ въ «Стихѣ о голубиной книгѣ» вошли мотивы, которые встрѣчаются намъ въ «Іерусалимскомъ свиткѣ» и въ «Бесѣдѣ трехъ святителей»; «Сонъ Богородицы» и «Стихъ о двѣнадцати пятницахъ» (не помѣщенный здѣсь нами), также ведутъ свое начало отъ прозаическихъ апокрифовъ съ этими названіями; содержаніе «Стиха о Ѳедорѣ Тиронѣ» (тоже не помѣщеннаго здѣсь), взято изъ апокрифическаго житія, которое между прочимъ встрѣчается въ Сборникѣ XVI ст. въ Рум. музеумѣ № 436 (см. Оп. Востокова, стр. 696); такого же происхожденія «Стихъ о Егорѣ храбромъ»; стихи, гдѣ говорится о мытарствахъ, очень близки по содержанію съ «Словомъ о мытарствахъ», изданнымъ Калайдовичемъ въ Пам. XII в. подъ именемъ «Кирила Туровскаго» (ст. 92—101). Въ противоположность съ этими стихами, давно уже усвоенными народомъ, есть стихи, которые возникли въ эпоху, ближайшую къ намъ, и сохранили не только подробности разсказа, но и выраженія своихъ письменныхъ источниковъ: любопытный

фактъ представляетъ въ этомъ отношеніи «Стихъ объ Алексѣ Божіѣ чловѣкѣ», поразительно сходный съ житіемъ, помѣщеннымъ въ Анеилогонѣ Арсенія Грека (М., 1660 г., стр. 5, 11, 19, 28, 29, 35); это сходство, столь рѣзкое по тексту стиха, изд. Кирѣевскимъ № VII, въ другихъ вариантахъ сглаживается болѣе или менѣе: такъ въ вариантѣ, записанномъ мною въ Казани, многія книжныя черты замѣнены чертами изъ народнато быта, и славянизмовъ гораздо менѣе. Есть, наконецъ, такіе стихи, въ которыхъ мысль, взятая изъ книжной литературы, развивается на основаніи чисто-народныхъ убѣжденій: таковъ «Стихъ о грѣшной душѣ» («По морю, по синему, по Хвалыноскому»), или «Стихъ о томъ, какого тяжкаго грѣха земля не можетъ простить».

Отъ этихъ стиховъ должно отличать вирши религіознаго характера; которыя, возникнувъ подъ вліяніемъ польской литтературы между XVI и XVIII в., не сохранили народнаго склада; онѣ съ перваго взгляда поражаютъ насъ своей тяжелой искусственностью; внѣшнимъ признакомъ ихъ служитъ силлабическій размѣръ и рима, которая въ великорусской народной поэзіи встрѣчается только въ шуточныхъ или сатирическихъ пѣсняхъ, въ пословицахъ и въ немногихъ сказочныхъ оборотахъ, въ такъ — называемыхъ при-сказкахъ. Если вообще духовные стихи, сравнительно съ народными былинами и пѣснями, бѣдны поэтическими формами; то еще бѣднѣе въ этомъ отношеніи религіозныя вирши, которыя мы встрѣчаемъ въ ру-

кописныхъ сборникахъ конца XVIII и начала XVIII столѣтій. Таковы преложенія псалмовъ и молитвъ, духовныя пѣсни св. Димитрія Ростовскаго, стихотворенія переведенныя съ польскаго, «Стихъ Юсафа царевича» (Боже, Отче Всемогущій!..); «Стихъ преболѣзненнаго воспоминанія о озлобленіи католиковъ. (Взираи съ прилежаніемъ, смертный человѣче...). Въ нихъ замѣтно преобладаніе церковно-славянскаго элемента въ языкѣ, и такъ—какъ составленіе ихъ принадлежитъ школѣ, особенно кіевскоѣ, то это вліяніе школы отразилось въ ихъ складѣ, пріемахъ и языкѣ.

Третій отдѣлъ духовныхъ стиховъ составляютъ раскольничьи пѣсни, которыя возникли въ XVII ст., и потому въ складѣ ихъ мы также замѣтимъ признаки польскаго и церковно—славянскаго вліянія; впоследствии къ нимъ примкнули духовные стихи перваго отдѣла и, наконецъ, пѣсни и даже романсы. Здѣсь мы не найдемъ самостоятельнаго, ни даже строго—опредѣленнаго характера: первоначальные тексты духовныхъ стиховъ и народныхъ пѣсень болѣею частью искажены, иногда до безобразія; но тѣмъ не менѣе въ нихъ мы встрѣтимъ много фактовъ для изученія народной жизни. Когда въ XVII и XVIII ст. неурядиство нашей іерархіи и общественной жизни выразилось рядомъ религіозныхъ волненій, которыя дали начало множеству расколовъ и сектъ; сектанты воспользовались формой духовныхъ стиховъ, чтобы въ ней выразить суровый, фанатическій взглядъ, и такимъ—образомъ явились стихи и богослужебныя пѣ-

сни людей божіихъ, страниковъ, морельщиковъ, глухой нѣтовщины, и др. Такъ при основаніи каждой религіи жрецы прибѣгали къ стихотворной формѣ, чтобы рѣзче запечатлѣть въ памяти народа догматы новой вѣры и ея историческія преданія.

Говоря о религіозныхъ виршахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ Польши, мы должны будемъ обратить вниманіе на малороссійскіе стихи: черезъ Малороссію мы приняли нѣсколько польскихъ и лужицкихъ легендъ, которыя до-сихъ-поръ поются нашими старцами. Таковы «Стихъ о блудницѣ» (у Кир. 223 стр. № LI), «Евангельская пѣснь» (тамъ же № XII), «О трехъ древахъ», «О трехъ гробницахъ», «О жидлахъ» (тамъ же № XXXV—VI, VII. Ср. «Пинскія пѣсни», Зенькевича, стр. 232—38, также у Жеготы Паули въ «Пѣсняхъ польскихъ», стр. 37—74; «Лужицкія пѣсни» Гаупта и Смолера, т. II., стр. 152, № 199; тамъ же № 197.; т. I., № 290).

СТИХЪ О ГОЛУБИНОЙ КНИГѢ.

Восходила туча *претемная*,
Претемная и прегрозная;
Изъ-подъ той тучи темная
Выпадала книга голубиная.
Ко той книгѣ собиралися,
Собиралися, соѣзжалися,
40 царей со царевичамъ,
И 40 князей со князевичамъ,
Ко тому ко царю ко премудрому,
Ко Давиду ко Иессейчу.
Допросъ держитъ Володимеръ князь,
Володимеръ царь Волѣдимеровичъ:
«Ой скажи ти намъ, Давидъ царь Евсѣевичъ,
Про бѣлый свѣтъ, про всь заповѣди:
Отъ чего *зачинался* бѣлый свѣтъ?
Отъ чего *зачинались* зори *ясныя*?
Отъ чего *зачинался* младъ свѣтѣль мѣсяць?
Отъ чего *зачинались* звѣзды частыя?

Отъ чего зачинался нашъ буѣнь вѣтеръ?
Отъ чего зачинался нашъ дробень дождикъ?
Отъ чего зачинался народъ Божій?»
Отвѣтъ держитъ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володимеровичъ ⁽¹⁾
А премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ: (sic!)
«А скажу вамъ, братцы, всю правду я:
А въ рукахъ будетъ держать книгу—не выдержать,
По книгъ ходить — всю не выходишь,
А стрѣки Божіи не вычитаешь.»
Тутъ сама книга распечатывалась,
Сами листія раскладѣлись,
Слова Божіи прочитались.
«Я скажу вамъ, братцы, не по грамотѣ,
Не по грамотѣ, все по памяти.
Зачинался у насъ бѣлый свѣтъ
Отъ самого Христа Царя Небеснаго,
Солнце красное отъ лица Божія,
Зори ясныя отъ ризъ Божіихъ,
Младъ свѣтѣль мѣсяць отъ грудей Божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Божіихъ,
Буѣнь-вѣтеръ отъ вѣздоховъ,
Дробень дождикъ отъ слѣзъ Его,
Народъ Божій отъ Адамія.»
— Кой городъ—всѣмъ городамъ отецъ?
Коя церковь—всѣмъ церквамъ мать?

(1) Можетъ-быть нужно такъ: отвѣтъ держитъ Володимеру,
Володимеру князю Володимерычу.

Кое море — всѣмъ морямъ отецъ?
Коя рѣка — всѣмъ рѣкамъ мати?
Кой звѣрь — всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Коя гора — всѣмъ горамъ мати?
Коя птица — всѣмъ птицамъ мати?
Кое древо — всѣмъ древамъ отецъ?
Коя трава — всѣмъ травамъ мати?
«Ерусалимъ городъ — городамъ отецъ».
«— Почему Ерусалимъ всѣмъ городамъ отецъ?
«Потому Ерусалимъ всѣмъ городамъ отецъ,
Что стоитъ онъ среди свѣта блага;
Во томъ во градѣ стоитъ церковь,
Стоитъ церковь да соборная;
Во той церквѣ во соборной
Стоитъ гробница бѣлокаменная;
Во той гробницѣ бѣлокаменной
Почиваютъ *мощи* самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго:
Потому эта церковь всѣмъ церквамъ мати.
— Окіанъ—море— всѣмъ морямъ отецъ:
Среди моря выходила церковь,
Выходила церковь — все соборная,
Со святымъ Климентомъ, папой Римскимъ.
— Иорданъ рѣка — всѣмъ рѣкамъ мати:
Крестился въ ней самъ Исусъ Христосъ
Со двѣнадцатю со Апостоли,
Да съ Іанномъ со Крестит елемъ.
— Китъ—рыба— всѣмъ рыбамъ отецъ:
Когда китъ—рыба восколыбнется, —

Весь бѣлый свѣтъ восколышется.

— *Хварсь гора* ⁽¹⁾ — всѣмъ горамъ мати :

Преобразился на ней самъ Иисусъ Христосъ,

Со двѣнадцатю со Аностолами

И съ Иваномъ со Крестителемъ.

— *Звѣрь-кондрыкъ* ⁽²⁾ — всѣмъ звѣрямъ отецъ :

Живетъ онъ во святой горѣ,

И дѣтей плодитъ во святой горѣ;

Когда кондрыкъ-звѣрь возыграется,

Всѣ святыя горы осколыхаются.

— Коя птица всѣмъ птицамъ мать ?

Аштраха-птица ⁽³⁾ — всѣмъ птицамъ мати :

Живетъ она на синемъ морѣ,

И дѣтей плодитъ на синемъ морѣ,

Никакихъ бѣдъ она не дѣлаетъ.

Когда аштраха-птица вострепечется,

Все сине море восколышется.

— *Купаресь-древо* — всѣмъ древамъ отецъ :

На томъ древѣ распинали жида

Самого Христа, Царя Небеснаго.

Когда вели Христа на распятіе,

Шла Божія Матерь, слезно плакала,

Слѣзы ронила на сырѣ землю;

Отъ тѣхъ слѣзъ зараждалася плакунъ-трава;

Потому плакунъ-трава — всѣмъ травамъ мати.

А тутъ два юноша рубилися,

(1) Хварсь-Фаворъ, малороссійскій выговоръ.

(2) У Кирѣвскаго-Индрикъ.

(3) У Кир. Стратимъ.